

—

100.

Приближалась сессионная неделя. Даже такой заядлый прогульщик, как Цзян Цянь, начал прилежно конспектировать лекции и подчеркивать ключевые моменты — по этому рвению сразу было ясно: парень в панике. И сразу становилось понятно, что в течение семестра он не учился от слова «совсем».

Все были первокурсниками и еще не достигли той стадии «просветления», когда на долги и пересдачи смотрят с философским спокойствием.

На этой неделе даже Хуан Вэйи забросил игры и целыми днями просиживал за столом, пытаясь «залатать дыры» в своих знаниях, словно богиня Нюйва, чинящая небо.

Линь Хун на выходных не поехал домой. Сразу после похода в горы он одолжил конспекты Си Фэна и принялся яростно их переписывать.

В комнате воцарилась густая учебная атмосфера, так что Си Фэн даже не пошел в библиотеку.

К тому же трое соседей слишком уж сильно на него полагались: то и дело дергали по всяким пустяковым вопросам.

Цзян Цянь откинулся на спинку стула, вертя в руках ручку, и вздохнул:

— Эх, надо было вчера попросить Няньнянь, чтобы она помогла мне не завалить сессию!

Линь Хун вставил:

— С такими просьбами вообще-то к Вэньцюй-сину (Богу Литературы) обращаются.

Цзян Цянь с сожалением протянул:

— Поздно уже. Но у нас в комнате есть свой живой Вэньцюй-син.

С этими словами он схватил со стола коробочку только что вымытой клубники и почтительно протянул её сидящему позади Си Фэну. Склонив голову, он произнес с напускным благоговением:

— О, великий Бог Учебы! Твой верный раб Цзян Цянь готов целый месяц соблюдать диету из мяса и овощей, лишь бы закрыть сессию без хвостов.

Си Фэн усмехнулся, не притрагиваясь к ягодам:

— Диету из мяса и овощей?

Цзян Цянь кивнул:

— Сейчас сессия, нужно сбалансированное питание, разве нет?

Си Фэн покачал головой:

— Ничем не могу помочь.

Цзян Цянь прищурился, выудил самую крупную ягоду и силой запихнул её Си Фэну в рот:

— Нет уж, ты просто обязан мне помочь.

101.

Эту клубнику Цзян Цянь только что купил и сам еще не успел попробовать.

Он выжидательно спросил:

— Сладкая?

Си Фэн с невозмутимым видом ответил:

— Спасибо, очень.

Цзян Цянь, не почуяв подвоха, выбрал самую маленькую ягодку на пробу. В ту же секунду его лицо перекошило:

— Мать твою!

Линь Хун отозвался:

— Куда это ты собрался?

Цзян Цянь, массируя челюсти, выдал:

— В идеальное государство, где не существует кислой клубники.

Цзян Цянь не верил в такую несправедливость — он решил, что кислая была только маленькая, а та большая, что он отдал Си Фэну, наверняка была нормальной. Он выбрал самую крупную ягоду. Уф! Это была версия «Кислота Pro MAX»!

Сморщившись, он обратился к Си Фэну:

— Ты что, наврал мне?

Си Фэн кивнул:

— Да.

Цзян Цянь скорбно вздохнул:

— Какой честный Бог Учебы!

102.

На самом деле Цзян Цянь не был таким уж безнадежным двоечником. По сути, он просто слишком много лет страдал от тирании школьного образования, и, поступив в университет, резко расслабился, пустившись во все тяжкие. Парень, который сам сдал Гаокао и поступил в вуз, не может иметь совсем уж плохие способности к обучению.

За две недели до сессии всё общежитие №219 в едином порыве занимало первые два ряда в

аудиториях, следуя за Си Фэном.

Но тяга к знаниям не появляется по щелчку пальцев. Особенно у Цзян Цяня.

В среду первым уроком, в восемь утра, снова была английская филология. Он шел от общаги до корпуса чуть ли не со слезами на глазах. Первым делом, сев за парту, он начал клянчить салфетки у одноклассников, чтобы вытереть слезы. Он честно настроился на учебу — после того случая, когда препода поймала его спящим, он поклялся больше не смыкать глаз.

Но преподаватель еще не успела войти, а голова Цзян Цяня уже несколько раз «поцеловала» крышку стола.

Не выдержав, он ткнул Си Фэна локтем:

— Гэ, если я отрублюсь, разбудишь меня?

Цзян Цянь уже привык называть его «гэ», когда ему что-то было нужно, и не видел в этом ничего странного.

Остальные делали так же: и Линь Хун, и Хуан Вэйи, когда хотели списать домашку или конспекты, звали его «Фэн-гэ».

Си Фэн не согласился на просьбу, а спросил:

— Помочь тебе взбодриться?

Цзян Цянь выдал череду зевков:

— Каким образом?

На столе у Си Фэна стояла бутылка ледяной воды. В мгновение ока эта бутылка прижалась к самому лбу Цзян Цяня. Тот в ужасе вытаращил глаза.

103.

Оказывается, вот для чего Си Фэн каждое утро покупал бутылку ледяной воды.

Сон как рукой сняло. Цзян Цянь спросил:

— Тебе тоже обычно спать хочется?

Си Фэн посмотрел на него так, будто услышал что-то забавное:

— Конечно. В восемь утра хотеть спать — это нормально.

Оба сидели вполупороту друг к другу. Си Фэн крепко сжимал бутылку в руке, а Цзян Цянь замер с ошарашенным видом, будто его запечатали этим холодом. Си Фэн не думал ни о чем лишнем — он просто пристально смотрел парню в глаза, словно по взгляду пытался определить, пришел тот в сознание или нет.

Но Цзян Цянь, резко вырванный из сонного оцепенения, почувствовал, как все его чувства обострились. Особенно зрение. Столкнувшись с этим изучающим взглядом Си Фэна, он будто нажал на кнопку беззвучного режима: в голове стало пусто, язык прирос к гортани, а тело отказалось двигаться.

Си Фэн спросил:

— Тебе лучше?

Цзян Цянь наконец пришел в себя:

— А? Что? Ой, да, лучше. Спасибо.

Си Фэн поставил нераспечатанную ледяную воду на стол соседа:

— Забирай.

Мозги Цзян Цянь еще не до конца включились, и он ляпнул:

— Я же только лбом к ней прислонился. Ты что, такой брезгливый?

Си Фэн посмотрел на него, не понимая, что творится в этой голове:

— Просто боюсь, что ты через минуту снова уснешь.

Цзян Цянь сообразил, какую глупость сказал, и смутился:

— А, ой, нет... я просто сонный, несу чепуху. Блин, пойду еще приложусь к бутылке, а то кажется, я еще не до конца проснулся.

Си Фэн улыбнулся и ничего не ответил.

104.

Урок английского прошел на удивление гладко. Даже домашнее задание к этой лекции Цзян Цянь сделал сам. Когда прозвенел звонок, он сладко потянулся и полез обниматься к Линь Хуну:

— Хун-а! Только перед сессией нас заставляют пахать как волон!

Линь Хун картинно запричитал:

— Цянь-а! На следующей неделе сдаем четвертый уровень (СЕТ-4), ты хоть помнишь об этом?

Цзян Цянь хлопнул друга по спине:

— Твою мать! Забыл!

Си Фэн попытался их утешить:

— Ничего страшного. Школьного уровня английского вполне хватит, чтобы сдать «четверку».

Цзян Цянь чуть не заплакал:

— Школьного? Ты о чем вообще?

Линь Хун утер слезу:

— Ты про ту школу, которая была год назад?

В среду было много пар: полное утро и еще одна после обеда. Весь день Цзян Цянь изображал образцового студента. Только после «Основ психологии» он почувствовал, как ноет спина, и поймал себя на ощущении нереальности происходящего: он что, правда честно отсидел все лекции?

Едва выйдя из аудитории, он почувствовал прилив гордости. «Цзян Цянь, да ты просто красавчик!» — подумал он. Но хвалить самого себя было скучно. Ему отчаянно хотелось, чтобы его похвалил кто-то другой — ведь похвала дает мотивацию! Логично же. Но кого попросить? Не родителей же. «Мам, прикинь, я сегодня весь день учился, я крутой?» — мать бы его только обругала.

Попросить Линь Хуна или Хуан Вэйи? Те, чего доброго, закатят глаза и съязвят: «Может, тебе еще грамоту нарисовать?» Попросить... Си Фэна?

Можно, но... как-то это странно.

Цзян Цянь понимал, что такое «держаться дистанцию», и чувствовал, что это уже будет пахнуть чем-то двусмысленным.

105.

Вечером Цзян Цянь, прихватив половину арбуза, отправился в общагу к Чжан Цзиньдуну. Тот жил в соседнем корпусе, совсем рядом. Цзян Цянь заходил к нему не впервые — иногда, договорившись о бадминтоне, они заглядывали друг к другу.

В комнате было всего двое. Второй парень кивнул Цзян Цяню и занялся своими делами.

Чжан Цзиньдун корпел над итоговым заданием:

— Каким ветром тебя занесло?

При этом вопросе в голове Цзян Цяня автоматически всплыло имя «Си Фэн» (Западный ветер), и он тут же себя проклял: «Твою мать, ну и гейская шуточка!» Вслух же он невозмутимо ответил:

— Купил арбуз, в одного не осилил, решил принести вам в комнату немного тепла и заботы.

Чжан Цзиньдун снял очки, хрустнул шеей так, что раздался громкий треск, и пожаловался:

— Целый день пишу итоговое эссе, помираю.

Цзян Цянь тут же перевел тему на себя:

— А я сегодня весь день честно слушал лекции.

Чжан Цзиньдун замер, не донеся руку до затылка, и медленно повернул голову: — ?

Цзян Цянь: — ?

Чжан Цзиньдун: — И что ты хочешь этим сказать?

Цзян Цянь: — Похвали меня.

Чжан Цзиньдун: — Забирай свой арбуз и проваливай.

Цзян Цянь: — С чего это?

Чжан Цзиньдун: — Боюсь, если я съем твой арбуз, то тоже стану геем.

106.

Мало того, что Чжан Цзиньдун язвил, так еще и его сосед в этот момент свесил голову с кровати:

— Опа, Цзян Цянь, ты что — «согнулся»?

Цзян Цянь готов был расплакаться:

— Да нет же!

Цзян Цянь и Чжан Цзиньдун сидели на балконе и ели арбуз. Цзян Цянь набрал полный рот семечек и пулеметной очередью выплюнул их в мусорку:

— Не так-то просто стать геем. Одно дело — шутки шутить, но не вздумай реально верить, что я «того»!

Чжан Цзиньдун холодно усмехнулся:

— Приперся ко мне за похвалой только потому, что просить об этом Си Фэна показалось тебе слишком «двусмысленным», не так ли?

Цзян Цянь вытаращил глаза и затряс пальцем в сторону друга:

— Ты! Ты-ты-ты! Ты!

Чжан Цзиньдун продолжал язвить:

— Я тебя как облупленного знаю.

Цзян Цянь продолжал ломать комедию:

— Ты! Ты-ты-ты!

Чжан Цзиньдун доел кусок, вальяжно закинул корку в ведро и протянул руку к Цзян Цяню:

— Гони.

Цзян Цянь наконец обрел дар речи:

— Чего?

Чжан Цзиньдун холодно отрезал:

— Пятьдесят юаней.

Цзян Цянь: — .

—

<http://bllate.org/book/17244/1613397>